

ЛЕТЧИКУ БЫТЬ!

ОЛЬГА ПОПОВА

Ольга Попова Летчику быть!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70290460

SelfPub; 2024

Аннотация

Повесть погружает читателя в период военно-послевоенного времени, 1941-1956 – жизненный путь молодого парня на основе реальных событий. Получив профессию железнодорожника, по воле случая, он попадает на рудники. Герой – закаляет силу воли, мечтает, преодолевает трудности, проживает любовь. А неожиданная встреча выводит его к давней мечте...

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ГЛАВА 1. РУДНИК ДАНИЛОВКА	9
ГЛАВА 2. АКМОЛИНСК	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Попова
Летчику быть!

ВВЕДЕНИЕ

Типичная коммунальная квартира, высокие потолки.
1971 год.

Среднестатистическая семья двадцатого века: муж, жена, сын и дочь.

Дети сидят посередине комнаты, отец читает им очередную главу написанной им книги о своей жизни.

Девочке – 9 лет, мальчику – 15. Дети не особенно понимают смысл, но ради уважения к отцу внимательно слушают. Понимая, какое удовольствие тем самым доставляют папе.

Это картинка из моего детства. Папа был летчиком, поэтому мало времени уделял воспитанию детей. В то время авиация работала по-другому, нежели сейчас. Если он улетал в другой город, чаще возвращался обратно только через несколько дней. Рейс из Екатеринбурга (в то время Свердловск) в Москву занимал около 4 часов, обратно уже возвращался другой экипаж, потому что так был составлен график работы лётчиков.

Часто вспоминаю, как мы с мамой возвращались домой из отпуска и нас ждал полный холодильник всяких вкусняшек. В 70-80 е годы прошлого столетия был дефицит продуктов, тем более на Урале. Бананы появлялись по праздникам только дубово-зеленого цвета. А папа готовил к нашему приезду

ду черешню, абрикосы, персики, московские конфеты, охотничьи колбаски. Так что возвращение домой – это праздник ожидания сюрпризов!

Папа был очень умным человеком, многих обыгрывал в бильярд, шахматы. Красиво рисовал, пел. Помню, часто говорил мне и брату: «Как вы можете плохо учиться, когда всё для этого есть? Когда я учился в школе, писал на полях газет: не было тетрадей. А я получал лишь пятерки».

Сейчас мне уже 61 год, папы более 20 лет нет с нами. Как-то, перебирая вещи, нашла черную общую тетрадку. Папе так и не удалось реализовать свою мечту – опубликовать книгу о своей жизни, она осталась в рукописном варианте.

Дети и внуки стали просить меня дать им почитать дедушкины записи, а как это сделать всем одновременно, да еще и его каллиграфический подчерк трудно разобрать.

И тут судьба мне подарила встречу с прекрасным человеком и писательницей Мариной Агаповой, которая взялась помочь в публикации книги. Так всё и сложилось. Надеюсь, тебе, дорогой читатель, будет интересна его история, ведь судьба каждого человека перекликается с общей историей нашей страны. Папа был человеком сильной воли, поэтому, может быть, его история поможет кому-то своим примером, а может, вдохновит кого-то на действия, придаст уверенности в себе.

Все последующее повествование привожу на основе рукописи моего отца Софрина Василия, 1933 года рождения. В книге он взял имя главного героя – Виктор Согрин, пусть так и будет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Простая жизнь – это действительно простая жизнь современного молодого человека: его учёба, его труд, его рост, его формирование. Но, однако, жизнь Виктора Согрина оказалась далеко не простой и легкой. И только благодаря своей мечте, постоянно воспитывая в себе силу воли, опираясь на комсомол и впоследствии на партийную организацию, Виктор осуществил свою мечту.

Виктора научили водить магистральный электровоз, автомашину, а затем и самолеты, начиная от легендарного ПО-2 до современного лайнера ИЛ-18; и не просто водить, а возить грузы, почту, а главное, советских людей во все уголки нашей необъятной Родины.

Но он продолжал мечтать, ему уже захотелось управлять ТУ-154, а может и ИЛ-86. Без мечты он просто уже не мог жить.

И если автору этой повести удастся помочь молодежи в выборе профессии, в осуществлении своей мечты, а некоторым стать пилотами и космонавтами, несмотря ни на какие трудности – значит, задача выполнена.

ГЛАВА 1. РУДНИК ДАНИЛОВКА

Даниловка находится в Северном Казахстане, в семи километрах от железной дороги, вернее, от 27 разъезда, куда жители ходят пешком, чтобы сесть на поезд. Рудник расположен на холмах, что вытянулись от шахт до самой электростанции, через которую протекает канава с желтой водой и за которой находятся общественные капустники. А за ними – густые кусты, под которыми ребята набирают по целой банке душистой земляники. Но часто не земляника зовет мальчишек в кусты за канаву, а огороды корейского поселка, где всё такими красивыми грядками посажено; а головки мака такие большие, что порой не жаль порвать штанишки о колючки, удирая от сторожа.

Правее кусты переходят в лес, где раскинулось кладбище, на нём во время войны жулики раздевали даже покойников, если их хоронили в хороших костюмах.

Слева за канавой тоже лес, где выстроен из серого гранита клуб-гордость рудника. У входа в клуб к двум сосенкам была прибита перекладина, с которой Митька Батлук (лучший баянист рудника) сорвался с «солнца», после чего месяц лежал в больнице. Но парней это не напугало, и они перед каждым вечерним сеансом фильма показывали своё мастерство.

Мальчишки, те, что уже ходили в школу, и даже те, что осенью пойдут впервые, горячо спорили в стороне после

выступления парней. Но когда выступали девяти- и десятиклассники (у них была секция в школе), раздавались даже аплодисменты, особенно со стороны девушек, стоявших компанией чуть дальше.

Мальчишки, в том числе и Витька Согрин с товарищами со своей улицы, знали почти всех девяти- и десятиклассников школы, где учились. Когда ребята через год ушли на фронт, даже малыши переживали вместе со взрослыми за судьбу знакомых парней.

В центре рудника стояло несколько двухэтажных каменных зданий, расположившихся на возвышенности и хорошо видных издалека. За каменными зданиями – поселковый совет и школа, в которой Витька Согрин успел окончить первый класс ещё до войны. Школа – это несколько зданий, огороженных дощатым забором, между ними располагалась спортивная площадка. По другую сторону каменных зданий раскинулся базар с ларьками и крытыми прилавками. По воскресеньям сюда съезжались колхозники и привозили целые возы различных продуктов. Для мальчишек воскресенье было днём добычи ремённых чересседельников, которыми они крепко привязывали коньки к валенкам и чем ужасно сердили колхозников.

Изба Витьки стояла на базарной улице, её строил отец из пластов земли, нарезанных вместе с травой. Изба просторная, с огромной русской печкой, за ней прятались полати. На

этих полатях Витька спал с сестренкой Дашкой до тех пор, пока отца не взяли на войну. За избой – двор, хлев для коровы и баня, сделанная по-белому, то есть печь с дымоходом. За баней –огород, что тянулся до соснового леса, где ребята успешно разоряли сорочьи гнёзда.

Баню мать топила по субботам. Отец всегда ходил в первый пар, он одевал старую ушанку и рукавицы и долго парился, затем голый, распаренный, бросался в сугроб снега. Летом из бочки лил на себя холодную воду и снова шёл париться. С отцом вместе парился лишь сосед Гаврила Гурин, который литрами пил свежую скотскую кровь и был очень здоровый. Парился отец по-сибирски, научился этому в Новокузнецке, где работал шахтером и где родился Витька.

Города, где родился, Витька почти не помнил, его перевезли в Казахстан пяти лет от роду. Ярко вырисовывался в памяти лишь памятник, к которому отец поднёс Витьку, поднял над головой и сказал: «Ну, сынок, поздоровайся с дядей Лениным, это он дал людям счастье!»

В Гражданскую войну отец сражался в рядах Красной гвардии и участвовал в разгроме Колчака. Мать рассказывала, что папу оставляли на сверхсрочную, но того потянуло к земле, к труду шахтёра.

По всей базарной улице в Даниловке жили в избах такие же шахтёры, как отец Витьки; они держали коров и бычков для зимнего закола, а на зиму запасались картошкой и капу-

стой с огородов. В летние месяцы хоть на пару недель они брали отпуска на шахте и занимались заготовкой сена и дров. Витька очень любил то время, когда всей семьёй выезжали на покос. Мать с отцом косили, а Витька с сестрой Дашей орудовали граблями. А по вечерам разводили костры. Мать готовила на таганке ужин, отец отбивал косы, а Витька лежал на свежем душистом сене, смотрел на звёзды, которые становились всё ярче и крупнее. Ужинать! Отец заботливо укладывал отбитые косы, Витька успевал забрать у Даши ковш с водой, чтобы полить отцу на руки, а мать уже расставила на постланную на сено клеенку миски с вкусно пахнущей едой.

И ещё любил Витька с ребятами ходить в дальние леса по грибы и ягоды, они забредали даже туда, где, по рассказам взрослых, зимой замерзла тетка Елена, сбившись с дороги в сильный буран. Муж тетки Елены уехал в пригорхоз к своей «казнобе». Жена узнала об этом и пошла в буран восемь километров пешком, сбилась с дороги и замерзла в лесу. Нашли её только летом, когда в лесу заготавливали дрова. Тот лес хорошо запомнили мальчишки, и, когда собирали в зарослях костянику, им мерещился трупный запах. С мальчишками своей улицы Витька лет в шесть научился играть в бабки (это обычно окрашенные в разные цвета коленные кости крупного скота, их ставили в ряд и сбивали металлическими плитками). Бабки считались десятками, а иногда и сотнями, может, благодаря им Витька, пойдя в первый класс,

свободно прибавлял и отнимал в пределах сотни и даже тысячи.

А ещё любимой игрой ребят были альчики (тоже коленные кости, только от баранов), в них приходили играть казахские мальчишки с залитыми свинцом битами. Казачата ловко крутили биты, скороговоркой приговаривая: «Гуль са-ка берь мачан», и бита часто становилась на ребро, чем разрешала её хозяину быть первым.

Самым сильным мальчишкой с базарной улицы считался Володька Гончаров. Он любил незаметно подкрасться сзади, присесть и дёрнуть мальчишку сзади за обе ноги и потом долго смеяться над слезами и расквашенным носом пострадавшего. За такие проделки не раз сговаривались Ленёка Гурин, Вовка Калюжин с Витькой проучить Гончарова, но тот всегда первый подавал руку и просил помириться. Мирились. Да иначе и нельзя было, ибо вечером на капустниках (их через день поливали всей улицей) приходилось давать отпор мальчишкам с тридцать пятой шахты, которые лакомились репой из чужих огородов.

Ранней весной гурьбой со всей улицы ходили за подснежниками, позднее – за полевым луком и земляникой, а, когда поспевала клубника, костяника и грибы в лесу, ходили с матерями, вооружившись корзинами, которые наплела всей улице мать Володьки Гончарова.

Жизнь на руднике была тихой и счастливой. Лишь по праздникам по улицам проходили компании с гармошкой и песнями, да по вечерам из корейского поселка слышалось протяжное: «Мулоднея онара...» Это отец Ли Володи звал его домой.

Корейцы появились в 1939 году, они поселились отдельным поселком у тридцать пятой шахты. Мужчины работали на шахтах, а женщины сажали огороды и даже сеяли просо и чумизу, которые в первый же год померзли. Старые корейцы ходили по руднику и покупали собак, скорее всего, употребляли их в пищу, так как на базаре часто слышалось: «Покушай колейски конфеты, калоший, слядкий, собачи сало много, туберкулез нету...» О том, что туберкулез лечат собачьим салом, знал весь рудник.

Восьми лет Витька со сверстниками со своей улицы пошёл в школу. Учёба ему давалась легко, особенно первый класс. Наверное, здорово всё же помогла игра в бабки. Да и вечерами, ещё до школы, Витька слушал, как старшая сестра Даша громко готовила уроки.

Но перед самой школой, когда снег ещё не выпал, но мороз сковал землю и пруд у конного двора, Витька чудом остался жив. Вместе с двоюродным братом Николаем Симбиряковым Витька после уроков, не заходя домой, пошёл на пруд. Лёд у берега был довольно толстый, мальчишки играли в «коровушку», катаясь на сапогах и ботинках. Мальчи-

шек становилось всё больше на льду, их звонкий смех далеко разносился по пруду. Вот появилась новая «коровушка», ей оказался блестящий замок, оторванный от портфеля. И когда от сильного удара пятиклассника замок, издавая мелодичный звук, далеко укатился к центру пруда, более взрослые ребята остановились в нерешительности. Лёд к центру пруда прогибался под их ногами.

—Эй, первоклашки, кто из вас смелый? Газуй один, лёд выдержит!

Витька Согрин, боясь, чтобы его не обвинили в трусости, первым бросился к центру пруда. Разогнавшись, он просто скользил на сапогах, лёд был очень гладким и прозрачным. Вот уже близко замок, Витька протянул руку, чтобы схватить его, на миг остановился и ... лёд не выдержал. Витька оказался в холодной воде, пытался ухватиться за край льда, лёд ломался, полынья становилась всё больше и больше. Сапоги и пальто с каждой секундой становились всё более тяжёлыми и неумолимо тянули ко дну. Витька попытался стянуть пальто, отыскивая пуговицы, перестал махать руками и камнем пошёл на дно. Воздуха не хватало, он хлебнул воды. Потом с открытыми глазами смотрел в воде, она почему-то показалась жёлтого цвета, голова закружилась. Собрав остатки сил, Витька вновь замахал руками и показался над водой. В это время чьи-то сильные руки схватили Витьку за воротник пальто. Затем они уже вдвоём пошли ко дну, это спасавший вместе с длинной доской, держа Витьку за ворот-

ник, тоже оказался в полынье. Кто-то бросил связанные вожжи, и все дружно начали подтягивать обоих к берегу, где лёд был крепкий. Наконец спасённых усадили в телегу и увезли в больницу.

Витьку поместили в детское отделение, перед этим растерев продрогшее тело спиртом. И лишь через два дня он вновь появился в школе. Вытащил из воды мальчишку пожилой проходивший мимо кореец, он простудился в студенческой воде, отец Витьки часто посещал больного. Витька сам пытался навестить спасителя, но ему строго было запрещено после случившегося отлучаться из дому.

В школе Витька стал учиться ещё старательнее, чему радовались родители и уже пожилая учительница Евдокия Алексеевна Долженко. В классе Витька сдружился с Володиёвым Колупаевым, который научил его рисовать. Мальчишки вместе с первого по шестой класс учились на отлично.

28 августа 1941 года отца Витьки призвали на фронт, отцу в то время было 43 года. Жизнь стала труднее. У матери на руках ещё остался семимесячный сын (теперь он преподаёт в художественной академии в Москве).

Витька оказался старшим мужчиной в доме, нужно было как-то помогать матери. Тогда все женщины-красноармейки (как их тогда звали) вынуждены были на коровах возить дрова и сено на зиму. Собирались подвод по пять-восемь,

привязывали рога каждой коровы к телеге впереди идущей веревкой, а на первую подводку сажали Витьку – погонять. Женщины садились все вместе и бесконечно говорили о делах на фронте, о том, кому пишут мужья, а кто уже получил похоронную. Как правило, все были грустные, полуголодные и часто с заплаканными глазами. Лишь только Витька, погоняя хворостиной корову, иногда пел песни про ямщика или бродягу с Сахалина, в них тоже звучали грустью. В лесу Витька подтаскивал к телеге сучья и сухие жерди, а мать по-мужски орудовала топором. Когда выделялись для заготовки дров целые деланки леса, женщины пилили толстые березы и сосны, распиливали их на короткие чурбаны и грузили на подводки с помощью наклонно уложенных жердей. Нагрузив, покормив сочной лесной травой скотину, коровий обоз возвращался обратно. Витьке очень нравилось колоть толстые чурбаны у дома, применяя для этого металлические отцовские клинья, которые он с трудом забивал обухом колуна.

С фронта приходили тревожные вести. Красноармейки, завидев почтальона, бросали все дела и бежали к нему, в надежде получить письмо и ужасались от мысли: «А вдруг похоронная?»

Стали возвращаться с фронта первые раненые, они долго рассказывали о боях и бомбежках, но каждой женщине хотелось услышать именно о её муже.

На рудник приехало очень много переправленных, они

покупали на базаре любые продукты не торгуясь.

Цены враз поднялись, особенно на муку и пшеницу, колхозники с охотой меняли продукты на одежду. На базар пошла и Витькина мать, променяла свои и отца пальто, костюмы на пшеницу.

Вернувшись из школы, Витька с матерью шёл молотить пшеницу к пожилому дядьке, тот брал за помол с ведерка банку пшеницы-гарцы. Мельница была ручная, тяжелая, до верхнего положения железной ручки Витька дотягивался, лишь привстав на носки. Силёнок было ещё маловато, но он с большим желанием помогал матери, прекрасно понимая, как ей тяжело.

К весне, как ни экономили, пшеница закончилась, стали больше налегать на картошку, смешивая её с отрубями, пекли картопляники. А когда сошёл снег, в первое воскресенье всей улицей пошли собирать колоски на колхозные поля. Разбухшие от влаги колоски сушили, руками обмолачивали, веяли и вновь шли к старому мельнику, который неумолимо брал гарцы. К концу войны с продуктами стало ещё труднее, в магазинах стали получать паёк по карточкам, для этого приходилось занимать очередь с вечера или в полночь. В хлеб намешивали много овсяка, и он застревал в зубах. Но и этот хлеб каждый из семьи с удовольствием бы съел сразу, только понимание ситуации заставляло делить дольками на весь день.

В 1943 году пришло известие о гибели отца под Сталинградом, мать долго и с причитаниями плакала навзрыд, соседка вместе с ней. Витька с сестрой Дашей тоже поплакал, один подросший Бориска молча ходил по избе, не понимая, что случилось со взрослыми.

Сестра Даша, бросив восьмой класс, устроилась работать на шахту дежурной на компрессор. Витька иногда приходил к ней на работу и долго смотрел на огромное колесо, которое вращал широченный прорезиненный ремень. Он мог «оттяпать» руку, если быть неосторожным.

Вернулся с фронта отец Лёньки Гурина, ему оторвало большой палец правой руки под Кенигсбергом, где он был пулемётчиком. Побыв немного дома, отец Лёньки устроился бригадиром рыболовецкой артели и уехал на озеро за 60 километров от рудника, приезжал по воскресеньям домой со свежими и вялеными карасями. Однажды он пригласил на озеро Витьку, Лёнька-то помогал отцу всё лето. Именно здесь Витьке впервые пришлось сесть за вёсла, проплыть камышами до огромного плёса, где был ветер и большая волна. Витька порядком струхнул, когда лодку стало сильно раскачивать поперечной волной и, казалось, вёсел она перестала слушаться. Но проснулся от качки Лёнька, устроившийся на сетях на дне лодки, тут же выправил положение и рассказал про нехитрую науку в управлении лодкой.

За несколько дней на озере Витька научился управлять лодкой, ставить и снимать сетки, потрошить и солить рыбу, вязать рыбацкие узлы и даже сети. Он загорел и даже поправился, благо еды в бригаде было много. Парень даже стал задумываться, не стать ли рыбаком в будущем. Вернувшись с озера, Витька опять помогал матери, копал огород, сажал картошку, ходил в лес за полевым луком и щавелем. А когда наступил покос, Витька уже сам начал косить, усердно нажимая на рукоять косы. Сначала было очень тяжело, но со временем он втянулся и даже не отставал от матери.

Летом приехал на автомобиле со станции Макныка дядя Ваня, родной брат отца. Он был командирован для перевозки руды с рудника на станцию Ельтай. Однажды, приехав на обед, он на обратном пути взял с собой Витьку, усадив рядом с собой в кабину. Пока ехали по руднику, грузились под бункером, Витька с любопытством глядел по сторонам. Но вот выехали на трассу, рудник остался уже позади, по бокам дороги замелькали то берёзовые околицы, то целый сосновый бор, то стая уток, взлетевшая с заросшего камышом болота, то поля нарядные, позеленевшие первыми всходами. Когда Витька ехал на лошади на озеро, то не замечал этой красоты, картины менялись медленно и казались унылыми, а тут под ровный рокот мотора одна картина сменялась другой. Казалось, только что проехали по улице небольшой деревни, где с кудахтаньем куры освобождали дорогу, а вот уже мелькну-

ло озерко с рыбаками, не отводившими взгляд от поплавок. Наконец показалось полотно железной дороги и огромный состав с вереницей нагруженных лесом вагонов.

Витьке казалось, впечатлениям не будет конца, но самое неизгладимое, что осталось на всю жизнь то, как дядя Ваня на обратном пути усадил Витьку на колени и доверил ему баранку автомашины.

Сначала машина упрямо не хотела ехать по дороге, всё съезжала на обочину, но мало-помалу выровнялась, стала более послушной и бежала только по дороге, лишь чуть сторонясь вправо и уважая встречную. Обе ноги до педалей у Витьки не доставали, он, вытянув лишь правую, прибавлял или убирал газ, скорости переключал сам дядя Ваня. Витьку не покидало ощущение, что это он впервые в жизни управляет такой огромной машиной, и она беспрекословно подчиняется малейшему повороту руля. Несколько дней Витька находился под впечатлением поездки на автомашине. Именно тогда он решил учиться, чтобы уметь управлять машиной, заставляя подчиняться своей воле сложные механизмы.

Кончилась война, отзвучали залпы победы, страна приступила к мирному строительству.

Витька только окончил пять классов, в табеле по всем предметам стоят пятерки. Завуч называет отличников школы, которым положена почетная грамота. К сожалению, ни в школе, ни в областном отделе образования грамот нет, не

хватает бумаги. Ученики помнят, как им приходилось писать на газетах почти всю войну, как полуголодным сидеть на уроках, как пилить школьные дрова или копать в пригородной картошку. Война всех коснулась, всего советского народа, который заслуженно праздновал победу над коварным врагом.

Стали возвращаться с фронта воины-победители, бывшие шахтёры, гимнастёрки их теперь украшали ордена и медали. Витька видел гордость мальчишек, отцы которых вернулись с фронта. С какой радостью он бы тоже встретил своего отца, как бы стало ему легко шагать по земле... От этих мыслей какой-то комок сдавливал горло, но нет, Витька не плакал, он даже успокаивал мать, когда видел на её глазах слёзы.

Лето, первое послевоенное, прошло ещё быстрее. Витька с матерью косил сено, возил дрова, собирал колоски, ходил за грибами и ягодами. В разговоре с ребятами он высказал мысль после семи классов учиться на шофёра, и многие тоже решили последовать его примеру. Так стал складываться коллектив будущих водителей машин, которые очень смутно представляли, как это будет, но твердо верили, что будет.

Осенью в Витькин шестой класс пришли две новенькие девочки, Надя Гурьянова и Люда Степанова. Они резко выделялись из всего класса красивой и яркой одеждой, манерой разговаривать и даже тем, что ни у одной не было на ру-

ках мозолей, как у остальных ребят и девочек. Они не могли полоть огород, пилить дрова или даже косить сено, как почти все ребята класса. Но они, видимо, специально заводили споры о Моцарте и Шопене, Чайковском и Глинке, а у одной из девочек дома было настоящее пианино. В 1945 году это величайшая редкость на руднике. Девочек класс вначале принял в штыки, но постепенно они стали завоёвывать авторитет у части класса. Учились они хорошо, организовали кружок самодеятельности; кому скоро четырнадцать, советовали вступать в комсомол. Они стали активистками класса, хоть ещё многие девчонки считали их воображалами. В шестом классе появилась алгебра, геометрия, стало много преподавателей, хоть и очень не хотелось расставаться со всеми уважаемой Евдокией Алексеевной, которая с первого по пятый класс вела у ребят все уроки.

Появились и трудности: вместо привычных пятерок у Витьки стали появляться четверки, а иногда и тройки. Особенно плохо понимал преподавателя математики Петра Адамовича, который говорил, сильно гундося, и сердился, когда ученики переспрашивали.

Шестой класс Витька окончил даже с двумя тройками, с началом каникул сразу же устроился с ребятами-однокашниками перелопачивать руду на руднике. О, сколько было радости у матери, когда Витька отдал ей первые заработанные деньги. «Вот и я наконец дождалась сына-помощника»,— ска-

зала она, а на глазах появились слёзы радости.

К школе мать купила Витьке новую рубаху, а брюки перешила из отцовских черных вельветовых. Витьке казалось очень неудобным появиться в вельветовых штанах в школу, но старые за лето совсем развалились.

К началу седьмого класса все стали взрослее, ребята за лето заметно подросли, многим шёл пятнадцатый год. С начала года Витька попал в школьный водоворот: ездил в пригорхоз копать картошку, плясал в танцевальном кружке, рисовал простым карандашом портреты к школьной выставке. Особенно долго сидел над портретом Сталина в погонах генералиссимуса, тщательно выводя каждую морщинку у глаз, каждый завиток усов. Портрет, вернее копия, увеличенная на глаз, вроде получилась, но первое место занял Володя Колупаев, его рисунки были лучше. Иногда по вечерам собирались в школе, даже танцевали с девчонками, но Витька стеснялся, хоть и танцы ему давались легко (он научился танцевать чечетку, цыганочку), виной тому – вельветовые штаны.

После экзаменов весь выпускной седьмой отправился в лес, долго бродили по полям, берёзовым рощицам, собирали цветы, просто стояли на возвышенности у серого камня и молчали. Каждый знал, что большинство класса в восьмой уже не пойдёт. Да, класс расставался. Никто не знал, какова дальнейшая судьба каждого, да и встретятся ли вообще. Многие возвращались в родные, освобожденные от немцев

края, другие шли в техникумы, училища. Словно понимая ребят, лес тоже перестал шуметь, лишь чуть пошевеливали листочками неугомонные березки, да где-то далеко куковала кукушка. Домой расходились группам, и тут только оказалось, что некоторые девочки давно дружат с мальчиками, ходят под ручку и даже целуются. Особенно было заметно Надю Гурьянову, она знала, что нравится почти всем мальчикам класса. Девочка на глазах у всех брала под руку Володю Суворова и уводила в сторону, а мальчишки, делая равнодушный вид, с завистью смотрели, как удалялась её вполне оформившаяся красивая фигурка. Витьке тоже Надя нравилась, он это понял ещё в самодеятельности, но признаться мог только во сне.

Наступило лето. Отдохнув после школы, ребята стали думать, куда ехать учиться. Собрались мечтатели-водители вместе, и Владик Удалов предложил ехать в Акмолинск в железнодорожное училище:

—Ребята, шофёрами мы всегда успеем стать. Давайте поедem учиться на помощников машиниста электровоза, специальность новая, полное государственное обеспечение, что думаете?

—Решено, будем водить электровозы, а машину со временем я обязательно научусь водить и права получу!— громко сказал Витька.

Собирались недолго. Через день кто с чемоданчиком, кто с котомкой шагали к двадцать седьмому разъезду, чтобы сесть на вечерний поезд «Петропавловск – Акмолинск». Провожали ребят девочки далеко за рудник, при прощании Надя отозвала Витьку в сторону «по секрету» и сказала: «Витя, ты давно нравишься Люде, подойди к ней». Как хотелось Витьке сказать, мол, если бы тебе нравился... но он только слегка пожал плечами.

Витька подошёл к Люде, она оказалась на целую голову ниже его, её модные крупные локоны свисали на плечи. О чём с ней говорить, когда глаза невольно косятся в ту сторону, куда ушли Надя с Володей.

–Эй, водители! – раздался голос Владика, – вот и поезд, прощаетесь!

–До свидания, девчата, ещё встретимся.

Виктор с Володей зашагали по дороге к синему лесу, за которым уже виднелась насыпь железной дороги.

Виктор оглянулся, на дороге ещё махали платками девчонки, а за околком виднелись каменные дома рудника. Здесь прошли его школьные годы, годы трудные, полураздетые, полуголодные. Годы, где перенесены тяготы войны, где окончилось Витькино детство.

Прощай, милая Денисовка! Прощай, детство!

ГЛАВА 2. АКМОЛИНСК

Остаток дороги до 27 разъезда ребята шагали молча. Каждый думал о чём-то своём, о близких и родных, о школьных товарищах или просто о руднике, где у каждого остались свои радости, горести и печали. Многих просто пугало, что придётся жить одному, без привычной семьи, без сестрёнок и братишек, наконец, просто без мамы, которая ещё так необходима.

Поезд почему-то задерживался, ребята расселись на брёвнах у железной дороги разъезда и считали вагоны проходивших товарников. Вечер наступил как-то неожиданно, вот уже засветились семафоры то жёлтым, то вдруг зелёным огоньком. И тогда был слышен шум приближающегося поезда, который появлялся из-за поворота и прорезал своим прожектором темноту. Поезд громыхал по стрелкам разъезда, проносился мимо дежурного с фонарём, мимо стрелочника, вышедшего из будки, и показывал ребятам свой хвост, огражденный красными фонарями. Лес за линией становился после прожектора совсем темным и зловеще смотрел на разъезд и его пассажиров. Вряд ли в этом лесу можно было отыскать зверька или птицу, все были напуганы шумом поездов, порой – пронзительными свистками паровозов.

Наконец дежурный объявил о подходе пассажирского. Пассажиры с мешками, чемоданами и котомками торопливо

выстраивались вдоль первого пути, чтобы всем сесть за двухминутную стоянку поезда. Владик Удалов повел всех ребят к хвосту поезда, вернее, к тому месту, где должен остановиться десятый вагон, о чем он предварительно спросил у дежурного.

Владик много приходилось ездить на поездах, он был эвакуированный с Украины, да так и остался жить с мамой в Казахстане. В вагоне Владик занял всем ребятам верхние и средние полки, все быстро улеглись, но уснуть многим не удавалось: не отпускали впечатления прошедшего дня. Наконец усталость взяла своё, ребята крепко уснули и проснулись лишь в Акмолинске, когда в окна ярко светило солнце, а проводник ходил по вагону и громко говорил: «Акмолинск, конечная, поезд дальше не идёт!»

Вокзал серо-зелёного цвета встретил ребят ярким солнцем и громкой музыкой. Музыка придавала какую-то торжественность, она приподнимала настроение пассажиров. Её впервые включили при встрече военных эшелонов, возвращавшихся с победой после войны, а со временем музыкой стали встречать или провожать каждый пассажирский поезд. Перрон вокзала асфальтирован, на нём чисто, а сразу за привокзальной площадью огромные кучи грязи, которые приходилось обходить протоптанными тропинками. Приезжих всех группами с вокзала направляли в санпропускник; каж-

дый должен был помыться и прожарить всю свою одежду, после чего выдавали талончик, разрешающий въезд в город.

Ребятам долго пришлось стоять в очереди, пока получили заветные талончики. Лишь после обеда, выяснив направление, ребята отправились к цели.

Вначале шли по дороге, выложенной булыжником, вдоль трёх- и двухэтажных домов, затем мимо одноэтажных, обмазанных жёлтой глиной барачных бараков, пока не выбрались на пустырь между станцией и городом, где стало видно огороженное проволокой училище.

Станция Акмолинск 1947 года встретила ребят сплошной грязью и лужами. Достопримечательностью был базар, толкучка, где продавали съестное по баснословным ценам и различную, порой небезопасного вида одежду, которую отдавали за булочку чёрного непропечённого хлеба. Так же играли в три карты, выкрикивая прибаутки: «Выбери туз – заплачу, за красного сам получу, кто хочет выиграть, ставь скорей, да только чёрного не про глазей»! А среди зазевавшейся толпы промышляли беспризорники в рваной одежде и с перепачканными углём и золой лицами и руками: ночевали они на отвалах теплого шлака от паровозных стоянок.

Двухэтажный корпус железнодорожного училища №4 был построен из красного кирпича. Первые два этажа занимали учебные классы и кабинеты, а в подвальном помещении рас-

положились мастерские и столовая. Вокруг основного корпуса стояли одноэтажные бараки, где жили курсанты и были хозяйственные здания. Вся территория огорожена проволокой и охранялась курсантским нарядом. За проволоку курсантов выпускали по разрешениям, дисциплина была полувойска.

После лёгких экзаменов и мандатной комиссии ребят зачислили в группу помощников магистрального электровагона. Эти группы были впервые созданы, когда приняли решение правительства об электрификации Карагандинской железной дороги впервые в Союзе на переменном токе 15000 вольт, 50 периодов в секунду.

Владик Удалов, Володя Суворов, Николай Дьячков и Виктор Согрин – все из Даниловки попали в одну группу.

Ребят одели в сатиновые косоворотки, кителя и брюки хлопчатобумажной ткани, бушлаты и кирзовые сапоги и лишь к Новому году – в суконные брюки и чёрные железнодорожные шинели.

Учёба началась с сборки урожая подсобного хозяйства училища.

К началу занятий вернулись из отпуска «старички» – те ребята, которые проучились уже год. Это были будущие поездные вагонные мастера, слесаря, токаря железнодорожных мастерских. Они входили в барак «новичков» бесцеремонно, примеряли новые кителя, шинели, фуражки, а взамен остав-

ляли замасленные. Утром мастер выстраивал свою группу и просил назвать тех, кто заменил форму, но большинство молчали, так как вечером «старички» сказавшему устраивали тёмную, то есть набрасывали на голову одеяло и били кто чем. Как правило, «старички» были дружны между собой, иногда они заходили в столовую к «новичкам» и бесцеремонно брали с подноса несколько паек хлеба, и все молчали.

Кормили в то время курсантов плохо, особенно к концу зимы. Мёрзлая капуста да свекла. Мясо только в обед, да и то мизерных два-три кусочка, никаких жиров. Заниматься приходилось много, появились незнакомые предметы – электротехника, пневматика, специальная технология и другие. На уроках часто многие думали о еде, так как с тарелки пшенного супа без картошки и полстакана чая утром все были полуголодные. Так приходилось учиться, ребятам особенно тяжело было заниматься дорожно-слесарным делом. Вначале каждый зажимал в тиски брусок железа и рубил его зубилом, притом смотреть необходимо на резец зубила, а бить по его головке, и поэтому часто попадало молотком по левой руке. У всех левая рука была в шрамах, они оставались навсегда. Позднее ребята, натренировавшись, рубили зубилом, отвернув голову. И по рукам уже не попадали.

Учёба давалась непросто, но ребята не были избалованы и не ныли, каждый прекрасно понимал, что виновата война. В стране в 1947 году во всю главенствовал голод, было трудно

всему советскому народу.

К концу первого года обучения ребята стали между собой дружнее. Если кому-то удавалось достать казахскую лепешку, она тут же делилась на всех; если приходила посылка — ели все.

В 1948 году всей группой вступили в профсоюз, а тот, кто не был комсомольцем, — в комсомол. Весной 1948 года проходил областной конкурс художественной самодеятельности. В училище был создан большой хор, но после первых репетиций руководитель понял, что ребята очень слабы и худы, чтобы петь.

Приказом начальника училища участникам самодеятельности на обед дополнительно выдавалось 200 грамм белого хлеба и 30 граммов масла. Через неделю участники заметно поправились, и хор зазвучал красиво.

В городе Акмолинске в то время жило очень много чеченцев и ингушей, молодёжь их не давала проходу курсантам. Однажды ночью, вооружённые ножами, ворвались в училище, многих курсантов побили, в том числе и старшего мастера училища. Был показательный суд, многих посадили. Курсанты стали свободней появляться в городе, их перестали бить.

Витька Согрин старался хорошо учиться, часто вечерами просиживая за книгой. Он вступил в комсомол, пел в хоре, успешно занимался шахматами. В группе он не был примет-

ной фигурой, жил просто, незаметно. В группе училось много ребят старше Витьки на один-два года, они считались уже парнями и гуляли с девушками, курили, порой рассказывали о своих похождениях.

Таких парней было несколько, и они дружили между собой, а остальных считали пацанами и иногда могли обидеть. Так однажды к Витьке подошёл Якунин (он был почти на три года старше) и грубо толкнул без всякой причины.

Витьке стало очень обидно, но он понимал, что с Якуниным ему не совладать, тот сильнее. И Витьке пришла мысль стать сильнее. Спорт и только спорт даёт силы. Витька стал после отбоя выходить к перекладине, на которой он еле подтягивался 2-3 раза.

Занимаясь ежедневно, он уже свободно подтягивался 7-8 раз, потом 12, потом простейшие упражнения, и вдруг получилась склепка (подъём разгибом). С этого дня Витька стал заниматься ещё охотнее, даже зимой хоть раз в неделю забегал в спортзал. На груди и руках у Витьки появились мускулы, он уже мог сделать на перекладине сразу несколько упражнений, появились сильные махи с выходом на полу – солнце. И когда уже весной 1949 года Якунин вновь взял Витьку за руку, чтобы крутануть, как было прошлый раз, то оказался сам свободно скрученным и придавленным к земле.

Прошёл первый год обучения, отметки у Витьки только

хорошие и отличные, учиться стало легче, видимо, втянулся.

И через три дня отпуск. Нужно получить деньги и продукты на дорогу. Ребята стали отглаживать свои суконные брюки, начищать до блеска ботинки, хлопать и чистить шинели. Появившийся дежурный учебного корпуса в дверях комнаты закричал: «Срочно курсанта Согрина к завучу!» У Витьки защемило что-то внутри – такие вызовы ничего хорошего не сулили.

В кабинете заведующего учебной частью Витька доложил: – По вашему приказанию курсант Согрин прибыл.

Завуч в отглаженном, застёгнутом на все пуговицы кителе внимательно оглядел Витьку с головы до ног.

– Вот так, курсант Согрин, я ознакомился с твоим делом, учишься ты хорошо, но мы вынуждены тебя исключить из училища. Дело в том, что программа вашей группы сокращена, и мы должны выпустить вас через два года обучения. А тебе в то время будет лишь полных семнадцать лет. Ну разве мы можем доверить электровоз, перевозку грузов и пассажиров несовершеннолетнему? Вот если бы ты выпускался слесарем... А водить электровоз никто не доверит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.